

Деревскова Елена Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Магнитогорский государственный
технический университет
им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия)
E-mail: august1667@mail.ru

Derevskova Elena Nikolaevna

PhD in Philology, Associate Professor,
Nosov Magnitogorsk State Technical
University ("NMSTU")
(Magnitogorsk, Russia)
E-mail: august1667@mail.ru

Чурилина Любовь Николаевна

Доктор филологических наук,
профессор,
Магнитогорский государственный
технический университет
им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия)
ORCID 0000-0002-2898-8538
E-mail: lchurilina@gmail.com

Churilina Lyubov Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor,
Nosov Magnitogorsk State
Technical University ("NMSTU")
(Magnitogorsk, Russia)
ORCID 0000-0002-2898-8538
E-mail: lchurilina@gmail.com

**КОНЦЕПТ «ЭГО» КАК
ДОМИНАНТА СОВРЕМЕННОГО
РОК-ДИСКУРСА: ЯЗЫКОВАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ**

**THE CONCEPT "EGO" AS THE
DOMINANT OF MODERN ROCK
DISCOURSE: LANGUAGE
REPRESENTATION**

Аннотация. В статье отражены результаты исследования, объектом которого является дискурсивно детерминированный концепт «Эго». Предмет исследования составляет совокупность слов и сверхсловных единиц, выполняющих функцию материализации концепта «Эго» как фрагмента современного русскоязычного рок-дискурса. Исследование имело целью реконструкцию одного из вариантов концепта «Эго» на основе анализа средств его языковой объективации. Лингвистическим материалом для реконструкции послужили песенные тексты рок-групп "Nautilus Pompilius" и «Ю-Питер».

Abstract. The article reflects the results of the research, the object of which is the discursively determined concept "Ego". The subject of the research is the set of words and units larger than the words that perform the function related to the manifestation of the concept "Ego" as a fragment of the modern Russian rock discourse. The objective of the research is to reconstruct one of the variants of the concept "Ego" based on analyzing the means of its linguistic objectification. Song texts of the rock groups "Nautilus Pompilius" and "U-Piter" served as the language material for the reconstruction.

Ключевые слова: феноменология языка, когнитивная лингвистика, концептология, рок-дискурс, постмодернизм, песенный текст, Я-концепция, концепт, матричная модель, лексико-семантическая репрезентация

Keywords: phenomenology of language, cognitive linguistics, conceptology, rock discourse, postmodernism, song text, self concept, matrix model, lexical and semantic representation

Введение

«Когнитивная» научная революция, датируемая серединой XX в., одно из наиболее значимых своих следствий в области гуманитарного знания обнаруживает в лингвистике. Фокус в организации процесса изучения естественного человеческого языка очевидно смещается: интерес большого числа специалистов связан сегодня не с традиционными дескрипцией и классификацией единиц, но с языком как феноменом. Новая феноменология языка при этом определяется не как «попытка вновь вмести существующие языки в рамки эйдетики всякого возможного языка, т. е. объективировать их перед лицом универсального и вневременного конструктивного сознания, но как возвращение к говорящему субъекту»¹. В этой новой исследовательской перспективе язык перестает быть автономно существующей абстракцией (сущностью «в себе и для себя»), хаотическим и «готовым к использованию» результатом «отложенных прошлых сигнификативных фактов»². «Возвращенный» субъекту, соединенный с ним в исследовательской перспективе, язык как объект лингвистики меняет свое качество – он рассматривается по преимуществу в функции средства материализации сознания говорящего / мыслящего субъекта. Объективированная, воплощенная посредством языка мысль с конца XX в. претендует на статус самостоятельного объекта лингвистики – концепта. Концептология в различных ее вариантах (прежде всего культурологическом и лингвистическом) переживает экстенсивный этап развития, что предполагает расширение круга описываемых объектов (концептов), в том числе в соотношении с разными субъектами, разными типами речевых практик (дискурсов), а также разработку адекватных материалу методов.

Основная часть

Проводимое нами исследование находится в круге обозначенных проблем. Оно имеет целью реконструкцию концепта «Эго» как фрагмента современного русскоязычного рок-дискурса.

Рок как культурный феномен соотносится с требующей осмысления постмодернистской реальностью. В попытках определить своеобразие русского рока исследователи приходят к утверждению, что «русскому року удастся выработать язык выражения маргинального опыта существования в “массовом мире”, который не предполагает обращенности ко всем: “обществу”, “народу”, “нации”, “классу” и т. п., – а предполагает обращенность именно к отдельному “Я” каждого слушателя. Это язык, в котором символическая страта преобладает над стратой номинативной, а символ всегда провокативен, а не инструктивен»³. Отмечаемая специфическая адресованность русского рока определяет и его ценность, заключающуюся в поисках «пути духовной трансформации, преображения “Я”»⁴. Я-центричность, или эгоцен-

¹ Мерло-Понти М. О феномене языка // Онтологическая проблематика языка в современной западной философии. – URL: http://bibikhin.ru/o_femenologii_yazika (дата обращения: 03.04.2020).

² Там же.

³ Ватолина Ю. Русский рок: религиозные и философские импликации. – URL: <https://syg.ma/@iuliia-vatolina/rielighioznyie-i-filosofskie-implicatsii> (дата обращения: 02.04.2020).

⁴ Там же.

тричность, рок-дискурса позволяет говорить о концепте «Эго» как его смысловой доминанте.

Концепт «Эго» относится к числу универсалий, что делает его объектом исследования широкого круга специалистов – философов (ego-philosophy Андре Конт-Спонвиля¹), психологов и психиатров², социологов (self-concept³) и филологов⁴. Однако обнаружить в исследовательской литературе того, что привычно называется «определением понятия», нам не удалось. В самом общем виде концепт «Эго» может быть определен как совокупность всех представлений субъекта о самом себе, в том числе и сопряженных с самооценкой⁵. Концепт «Эго» является результатом рефлексии, направленной на самого себя, или результатом самоидентификации, а потому его справедливо можно обозначить как образ «себя для себя».

Лингвистическим материалом для реконструкции концепта «Эго» в нашем случае послужили песенные тексты рок-групп «Nautilus Pompilius» и «Ю-Питер», руководителем которых в разное время являлся Вячеслав Бутусов. Отобранные для исследования тексты (30 фрагментов) представлены на официальном сайте группы «Nautilus Pompilius»⁶, а также на сайте «Nautilus Pompilius – Компактная дискография»⁷; они датируются периодом с 1987 по 2015 г.

На этапе отбора текстового материала применялась методика ключевого слова, в качестве которого рассматривалось личное местоимение *Я*. Как было отмечено в исследованиях одного из первых разработчиков функциональной лексикологии В. В. Степановой, ключевое слово (смысловая доминанта) конденсирует, свертывает информацию, выраженную целым текстом, иначе говоря, функциональным качеством ключевого слова является «внутритекстовое развертывание его содержатель-

¹ Мочульская О. И. Концепция Андре Конт-Спонвиля: эго-философия как размышление от первого лица // Философские науки. – 2018. – № 12. – С. 127–143.

² Александрова Н. Ю., Вельков М. М., Снегирев С. В. «Я-концепция» и агрессивное поведение осужденных // Научные исследования: от теории к практике. – 2015. – № 1 (2). – С. 145–148; Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – Москва: Прогресс, 2016. – 420 с.; Голубь О. В. Я-концепция как экзистенциальное ядро личности, обеспечивающее ее внутреннюю самоорганизацию и саморегуляцию // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11. Естественные науки. – 2012. – № 1 (3). – С. 94–100. DOI: 10.15688/jvolsu2; Джеймс У. Психология. – Москва: Академический проект, 2011. – 318 с.; Саванович В. В. Я-концепция и личностная рефлексия в зарубежной психологии // Вестник Московской государственной Академии делового администрирования. – 2011. – № 5 (11). – С. 186–192.

³ Гасанова П. Г., Мугадова С. Т. Я-концепция как фактор профессиональной успешности личности // Известия Дагестанского педагогического университета. Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 4 (33). – С. 6–10.

⁴ Каргаполов Е. П. Я-концепция личности поэта Роберта Рождественского. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015. – 160 с.

⁵ Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – Москва: Прогресс, 2016. – 420 с.

⁶ Официальный сайт группы «Nautilus Pompilius». – URL: <http://www.nautilus.ru/begin.htm> (дата обращения: 03.04.2020).

⁷ Nautilus Pompilius – Компактная дискография. – URL: <http://naunaunau.narod.ru/> (дата обращения: 03.04.2020).

ных характеристик»¹. Совокупность слов и сверхсловных единиц, организующихся в отобранных текстах вокруг смысловой доминанты (*Я*), выполняет функцию материализации концепта «Эго» как фрагмента авторской картины мира.

В процессе реконструкции концепта применялись герменевтический, компонентный и контекстуальный виды анализа, а также метод моделирования. Целесообразность использования последнего из названных методов диктуется представлением о концепте как структурированном фрагменте знания. Исследовательская задача определяется как установление характера проявляющихся в тексте парадигматических и синтагматических отношений, объединяющих языковые единицы и позволяющих говорить об их смысловой (концептуальной) общности. При этом принимается допущение, что избрание концепта на роль объекта реконструкции есть искусственная процедура, поскольку сознание субъекта представляет собой некую «гомогенную» среду – концептосферу, домен. В границах «среды обитания» концепты не просто оказываются связанными друг с другом (что позволяет говорить о континуальности, взаимном перетекании смыслов), но и обретают свою сущность, ибо вне этой связи не существуют².

На предшествующем анализу текстового материала этапе реконструкции концепта нами использована популярная в современной психологии модель «самости» У. Джеймса, состоящая из трех взаимосвязанных уровней:

- *материального*, соотносимого в том числе и с осознанием собственного тела;
- *социального*, соотносимого с комплексом социальных ролей и оценок;
- *духовного*, соотносимого с когнитивной, волевой и эмоциональной сферами деятельности субъекта³.

Эта матричная структура в процессе анализа отобранных текстовых фрагментов (с ключевым словом *Я*) заполняется языковым материалом – лексическими единицами, находящимися в ближайшем контексте ключевого слова; при этом отдельное направление анализа связано с интерпретацией актуализируемого в результате формирования внутритекстовых лексических парадигм текстового смысла.

Представим результаты проведенного анализа.

«Материальный» уровень модели концепта «Эго» заполняется наименованиями частей тела: *голова, череп, глаза, рот, уши, мозжечок, сердце, руки, локоть, пальцы, крылья, живот*. Каждое из использованных в тексте имен как знаковых сущностей обретает дополнительные смыслы, в нашем случае – вполне соотносимые с русской картиной мира. Так, А. Д. Шмелев отмечал, что для русской языковой картины мира функции *сердца* и *головы* оказываются противопоставленными: в качестве «средоточия эмоциональной жизни человека сердце и кровь противопоставляются голове и мозгу (мозгам), в которых локализуется интеллектуальная жизнь человека и его па-

¹ Степанова В. В. Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии. – Санкт-Петербург: Наука; САН, 2006. – С. 267.

² Чурилина Л. Н. Антология концептов как словарь нового типа: к вопросу о принципах организации // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 11–13 ноября 2009 г. – Санкт-Петербург: САН, 2010. – С. 442–449.

³ Джеймс У. Психология. – Москва: Академический проект, 2011. – 318 с.

мать. <...> В русском наивно-языковом представлении голова и мозг функционируют независимо от сердца и крови»¹.

В анализируемых текстах средоточием «личного пространства» субъекта становится голова (а не сердце). В лексической структуре текста соединяются метафорические символы: *голова* – мир, пространство («Если ты хочешь / Прогуляться по моей голове, / Я провожу <...>»), причем пространство обжитое, расчлененное и одновременно отделенное от остального мира: «Сразу за мозжечком / Ты отыщешь мой дом <...>»; «И среди суеты найдешь ли ты повод / Зайти сюда еще раз? / Но в ответ ты мчишься сквозь череп, / И искры летят из глаз» [«Маленький подвиг»].

«Личное пространство» оценивается как весьма хрупкое, требующее осторожности и защиты от внедряющихся в него:

*Я только прошу, я только прошу:
Будь осторожней,
Ведь так легко сломать все,
Что так долго рождалось во мне,
Не спеши топтать ногою тяжелой
По моей голове* [«Маленький подвиг»].

Мир за пределами «личного пространства» оказывается не просто отгороженным от «мира других»: эти миры враждебны друг другу. Синтагматические связи элементов текстовой лексической группы «наименования частей тела» свидетельствуют о доминировании в их ближайшем окружении процессуальной лексики с семантическими компонентами ‘удалять’, ‘избавляться’ (каузативное значение ‘делать так, чтобы не было’): *отрезать, прекращать (иметь), убрать, избавиться*:

*Я прекращаю иметь сердце,
Отныне мне это ни к чему,
Ведь я собрался жить долго...;

Еще следует отрезать уши,
Глаза, руки, убрать живот,
Тогда мне нечем будет слушать,
Видеть, трогать, набивать рот;

...ухитрюсь избавиться от неумной моей головы,
Тогда я точно доживу до старости* [«Превращение»].

Немаловажно, что провозглашаемое «самоуничтожение» мнимое: речь идет о желании скрыть себя настоящего от других: «Пусть думают, что меня нет...». Это желание спрятаться, перестать «иметь облик» мотивировано стремлением понять себя:

*Я прекращаю иметь облик
До тех пор, пока мне не понадобятся
Руки, глаза, голова и сердце,*

¹ Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – С. 34–35.

*Чтобы уметь воплощать мысли.
Тогда я вернусь к живой воде,
И я обрету человеческий облик... [«Превращение»].*

Грань между «личным пространством» и «миром других» осознается субъектом как очень тонкая, скорее – желаемая, чем реально существующая:

*Я отдал бы немало за пару крыльев,
Я отдал бы немало за третий глаз,
За руку, на которой четырнадцать пальцев,
Мне нужен для дыхания другой газ [«Люди»].*

Я-настоящий одновременно не такой, как «другие» («И внутри у меня холодеет до жути: / Неужели я такой, как все эти люди»), и такой же, как они, ибо каждый другой – это тоже Я, нуждающийся в собственном «личном пространстве»:

*Они отдали б немало за пару крыльев,
Они отдали б немало за третий глаз,
За руку, на которой четырнадцать пальцев,
Им нужен для дыхания другой газ [«Люди»].*

В попытках найти ответ на мучительный вопрос «Где я, кто я, куда я, куда?» [«Кто я?»] Я и Другой / Другие в рассматриваемых текстах многократно сталкиваются, вплоть до полного слияния, с тем, чтобы опять разделиться:

*Я отрезаю от себя части,
Леплю из них сержантов
Внешней разведки,
Посылаю их выполнять прокладку
Коммуникаций.
Они не возвращаются никогда,
Никогда [«Кто я?»].*

Невозможность защитить «личное пространство» от «других» осознается как реальная угроза самоуничтожения:

*Меньше все, меньше, меньше,
Меньше своего <...> [«Кто я?»].*

Рассматривая различные формы взаимоотношений Я и Другого в рок-балладе, И. В. Кумичев отмечает, что эта оппозиция «одна из самых распространенных форм взаимоотношения Я и Другого в рок-искусстве» в целом¹. Вполне справедливо утверждение, что данная оппозиция является доминирующей в современной культуре постмодерна, она проявляет себя «в том или ином конфликте, той или иной системе взаимодействий, то есть может формировать самые различные структуры на

¹ Кумичев И. В. Специфика взаимоотношений Я и Другого в рок-балладе 60–70-х годов // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2014. – Вып. 15. – С. 320. – URL: [http://journals.uspu.ru/attachments/article/884/Rock15%20\(1\).pdf](http://journals.uspu.ru/attachments/article/884/Rock15%20(1).pdf) (дата обращения: 02.04.2020).

уровне текста, в зависимости от художественной системы автора и конкретных творческих задач»¹.

Исследуемый текстовый материал позволяет предполагать, что материальный уровень модели концепта «Эго» соотносится с социальным на уровне оппозиции *Я – Другой*, сама же оппозиция представляет собой антиномию: «Скованные одной цепью, связанные одной целью».

На этом фоне особую значимость обретает духовный уровень модели «самости»: в процессе выстраивания внешних оппозиций субъект рок-дискурса переключается на внутренний диалог, в ходе которого пытается обрести душевное равновесие.

Центром сосредоточения *Я* становится душа как место столкновения темного и светлого начал, что характерно для христианской культуры. Уже в названиях текстов появляются лексические вербализаторы этого уровня концептуальной структуры: «Падший ангел», «Бесы», «Христос» («Мне снилось, что...»).

Темная сторона *Я* ассоциируется с представлением о демонском начале в человеке, которое эксплицировано в тексте соответствующими лексемами (*демон*, *бес*) и семантически близкими именами *зверь*, *тварь*. Культурно обусловленным символом темного мира становится и частотно встречающийся в текстах образ-символ *ворон*. В Русском ассоциативном словаре из 34 разных реакций на стимул *ворон* 10 актуализируют закреплённую в национальном сознании отрицательную модальность символа: *черный*, *грязный*, *грязь*, *зло*, *злой*, *несчастье*, *смерть*, *страх*, *чернота*, *черный цвет*².

В полном соответствии с христианскими традициями находятся и синтагматические связи перечисленных лексем в рассматриваемых текстах; интегральными семантическими компонентами для текстовой лексической группы оказываются 'мрак', 'опасность', 'смерть':

*Бесы зовут наружу
В стужу уйти с пургой,
Туда, где мертва вода,
Туда, где дурманит газ. <...>
Бесы просят служить,
Но я не служу никому [«Бесы»].*

*Если ты хочешь любить меня, полюби и мою тень.
Открой для нее свою дверь,пусти ее в дом.
Тонкая, длинная, черная тварь прилипла к моим ногам.
Она ненавидит свет, но без света ее нет [«Кто еще...»].*

Светлая сторона *Я* объективируется в текстах лексемой *ангел* и организуемой ею семантической группой: *монашеский*, *белый*, *свет*, *светлый*, *прозрачный*:

*Я созрел душой для светлых,
Светлых и прозрачных дней.*

¹ Свиридов С. В. Все ушли – остались двое: о русской рок-поэзии 2000-х годов // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2019. – Вып. 19. – С. 10. – URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/310652420> (дата обращения: 02.04.2020).

² Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. – Москва: ЯСК, 2016. – С. 5–15.

*Стал взор мой бел,
Как монашеская постель»* [«Бесы»].

*Я ищу следы на облаках,
Бесконечных линий горизонт,
Ангел на невидимых крылах
Мчится невесом, как белый дым* [«Пусть будет так»].

Борьба двух начал в Я воплощена в метафорическом образе *черная птица – белые крылья*. Авторский вариант типичной для европейской / христианской культуры метафоры задает два параллельно реализующихся в тексте ассоциативных ряда. Один организован стимулом *черная (гроза, тьма, гром)*:

*Снится черная птица мне,
Бьется клювом стальным в окно, <...>
И бушует гроза во тьме,
Гром грохочет в душе моей* [«Черная птица – белые крылья»].

Стимулом второго ассоциативного ряда является символ *белые крылья*, который, однако, также связан с актуализацией отрицательных семантических компонентов:

*Снится черная птица мне,
Крылья белые сломаны* [«Черная птица – белые крылья»].

В результате актуализаторы идеи света в рассматриваемых текстах оказываются лишь опосредованно связанными с Я-концепцией: как искомый идеал, но не как реальность.

Вполне согласуется с этим представлением о духовном уровне модели и воплощаемый в одном из текстов образ Христа («Христос» («Мне снилось, что...»)). Образ Христа как знак единения Бога и человека объективируется лексемами *воскрес, незримый (вес), жив, идет*:

*Мне снилось, что Христос воскрес
И жив, как я и ты.
Идет, несет незримый вес,
А на руках бинты.
Идет по вымершим дворам
Пустынных городов
И Слово жаждет молвить нам,
Но не находит слов* [«Христос»].

История Христа не утратила актуального звучания и в современном мире. В апелляции к этому образу в рок-дискурсе воплощена, на наш взгляд, мысль, высказанная в одной из работ А. Вежбицкой: «В притчах Иисуса представление о “жизни с Богом” играет, я полагаю, основополагающую роль и дает ключ как к положительным образам “спасения”, “Царства Небесного” или “большого пира”, так и к отрицательным образам “гибели” и “ада”: все это вращается вокруг того, чтобы “жить с

Богом” и “не жить с Богом”»¹. В анализируемом тексте утверждается, что, как и много столетий назад, человек выбрал вариант «не жить с Богом»:

*Мне снилось, что Он пил вино
В подъезде со шпаной,
И били до смерти Его
Цепочкою стальной [«Христос»].*

При этом немаловажно отметить и готовность субъекта разделить эту ответственность: *«Мне снилось – я один из тех, / С кем пил в подъезде Он».*

Выводы

Таким образом, текстовые лексико-семантические парадигмы, сформированные в результате заполнения взятой за основу матричной структуры, позволяют констатировать, что реконструируемая модель концепта «Эго» является двухчленной: *материальный* (физический, телесный) уровень неразрывно связан с *социальным*; *духовный* уровень претендует на относительную самостоятельность. При этом мы не считаем возможным говорить об уровневой (иерархической) организации концепта, поскольку очевидных свидетельств неравноправия уровней не обнаруживается.

В хронологической перспективе соотношение выделенных сегментов концептуальной структуры меняется: на раннем этапе (тексты 1980–1990-х гг.) безусловно доминирующим (по показателю «частотность встречаемости в текстах» лексических экспликаторов) является материально-социальный сегмент, на более позднем (2000-е гг.) – духовный.

Наблюдаемое усиление в рок-дискурсе «духовного начала» *Я* вступает в противоречие с устойчивой мифологемой постмодернистского дискурса – констатацией «смерти автора», объявленной Роланом Бартом². Возможно, причиной усиления авторского *Я* становится формирование новой социальной реальности – «информационного общества»: в гуле голосов и мнений человек остро нуждается в том, чтобы **услышать себя**: «Выражать себя для говорящего субъекта – значит осознать; он прибегает к выражению не только для других, благодаря этому выражению он сам познает то, на что направлена его мысль»³. В этом усилении голоса *Я* нам видится собственно лингвистическое подтверждение избранного в исследовании подхода к концепту «Эго» как смысловой доминанте рок-дискурса.

К характеризующим чертам реконструируемого варианта концепта «Эго» целесообразно было бы отнести его безусловную детерминированность культурой – национальной, христианской. Однако, по мнению Т. И. Касавина, «безусловное до-

¹ Вежбицкая А. Значение Иисусовых притч: семантический подход к Евангелиям // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – С. 741.

² Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – Москва: Прогресс, 1994. – С. 384–391.

³ Мерло-Понти М. О феномене языка // Онтологическая проблематика языка в современной западной философии. – URL: http://bibikhin.ru/o_femenologii_yazika (дата обращения: 03.04.2020).

минирование вторичных текстов» является главной чертой современного текста как такового¹. И это еще одно неизбежное следствие «информационного шума».

Литература

Александрова Н. Ю., Вельков М. М., Снегирев С. В. «Я-концепция» и агрессивное поведение осужденных // Научные исследования: от теории к практике. – 2015. – № 1 (2). – С. 145–148.

Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – Москва: Прогресс, 1994. – С. 384–391.

Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – Москва: Прогресс, 2016. – 420 с.

Ватолина Ю. Русский рок: религиозные и философские импликации. – URL: <https://syg.ma/@iuliia-vatolina/rielighioznyie-i-filosofskie-implikacii-v-otiechiestviennoi-i-mirovoi-rok-muzykie> (дата обращения: 02.04.2020).

Вежбицкая А. Значение Иисусовых притч: семантический подход к Евангелиям // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – С. 730–774.

Гасанова П. Г., Мугадова С. Т. Я-концепция как фактор профессиональной успешности личности // Известия Дагестанского педагогического университета. Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 4 (33). – С. 6–10.

Голубь О. В. Я-концепция как экзистенциальное ядро личности, обеспечивающее ее внутреннюю самоорганизацию и саморегуляцию // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11. Естественные науки. – 2012. – № 1 (3). – С. 94–100. DOI: 10.15688/jvolsu2.

Джеймс У. Психология. – Москва: Академический проект, 2011. – 318 с.

Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – Москва: Астрель; АСТ, 2002. – Т. 1. – 992 с.

Каргаполов Е. П. Я-концепция личности поэта Роберта Рождественского. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015. – 160 с.

Касавин Т. И. Текст. Дискурс. Контекст. – Москва: Канон +, 2008. – 543 с.

Кумичев И. В. Специфика взаимоотношений Я и Другого в рок-балладе 60–70-х годов // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2014. – Вып. 15. – С. 312–323. – URL: [http://journals.uspu.ru/attachments/article/884/Rock15%20\(1\).pdf](http://journals.uspu.ru/attachments/article/884/Rock15%20(1).pdf) (дата обращения: 02.04.2020).

Мерло-Понти М. О феномене языка // Онтологическая проблематика языка в современной западной философии. – URL: http://bibikhin.ru/o_femenologii_yazika (дата обращения: 03.04.2020).

Мочульская О. И. Концепция Андре Конт-Спонвиля: эго-философия как размышление от первого лица // Философские науки. – 2018. – № 12. – С. 127–143.

Руденко Д. И., Прокопенко В. В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца 20 века / под редакцией Ю. С. Степанова. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – С. 118–143.

Саванович В. В. Я-концепция и личностная рефлексия в зарубежной психологии // Вестник Московской государственной Академии делового администрирования. – 2011. – № 5 (11). – С. 186–192.

Свиридов С. В. Все ушли – остались двое: о русской рок-поэзии 2000-х годов // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2019. – Вып. 19. – С. 6–27. – URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/310652420> (дата обращения: 02.04.2020).

¹ Касавин Т. И. Текст. Дискурс. Контекст. – Москва: Канон +, 2008. – С. 193.

Седов К. Ф. О природе художественного текста // АРТ. Альманах исследований по искусству / под редакцией Б. Л. Борухова, К. Ф. Седова. – Саратов: [б. и.], 1993. – Вып. 1. – С. 5–15.

Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. – Москва: ЯСК, 2016. – 438 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под редакцией А. П. Евгеньевой. – Москва: Русский язык, 1985–1988. – URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm> (дата обращения: 22.02.2020).

Степанова В. В. Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии. – Санкт-Петербург: Наука; САГА, 2006. – 272 с.

Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – Москва: Прогресс, 1993. – 324 с.

Чурилина Л. Н. Антология концептов как словарь нового типа: к вопросу о принципах организации // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 11–13 ноября 2009 г. – Санкт-Петербург: САГА, 2010. – С. 442–449.

Чурилина Л. Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – 283 с.

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

References

Aleksandrova N. Iu., Vel'kov M. M., Snegirev S. V. "Ja-kontseptsii" i agresivnoe povedenie osuzhdennykh [Self-concept and aggressive behavior of convicts]. *Nauchnye issledovaniia: ot teorii k praktike* [Scientific research: from theory to practice], 2015, no. 1 (2), pp. 145–148.

Bart R. Smert' avtora [Death of the author]. *Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Bart R. Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, 1994, pp. 384–391.

Berns R. Razvitie IA-kontseptsii i vospitanie [Self-concept development and education]. Moscow: Progress, 2016. 420 p.

Vatolina Iu. Russkii rok: religioznye i filosofskie implikatsii [Russian rock: religious and philosophical implications]. Available at: <https://syg.ma/@iuliia-vatolina/rieligioznyie-i-filosofskie-siuzhiety-v-otiechiestvennoi-i-mirovoi-rok-muzykie> (accessed: 02.04.2020).

Vezhbtskaia A. Znachenie Iisusovykh pritch: semanticheskii podkhod k Evangeliiam [Meaning of Jesus parables: a semantic approach to the Gospels]. *Vezhbtskaia A. Semanticheskie universalii i opisanie iazykov* [A. Wierzbicka. Semantic universals and description of languages]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1999, pp. 730–774.

Gasanova P. G., Mugadova S. T. Ia-kontseptsii kak faktor professional'noi uspekhnosti lichnosti [Self-concept as a factor of a person's professional success]. *Izvestiia Dagestanskogo pedagogicheskogo universiteta. Psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Dagestan State Pedagogical University Journal. Psychological and Pedagogical Sciences], 2015, no. 4 (33), pp. 6–10.

Golub' O. V. Ia-kontseptsii kak ekzistentsial'noe iadro lichnosti, obespechivaiushchee ee vnutrenniiu samoorganizatsiiu i samoregulatsiiu [Self-conception as a personality's existential kernel providing one's inner self-organization and self-regulation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11. Estestvennye nauki* [Science Journal of Volgograd State University. Series 11. Natural Sciences], 2012, no. 1 (3), pp. 94–100. DOI: 10.15688/jvolsu2.

Dzheims U. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2011. 318 p.

Karaulov Iu. N., Cherkasova G. A., Ufimtseva N. V., Sorokin Iu. A., Tarasov E. F. *Russkii asotsiativnyi slovar': v 2 t.* [Russian associative dictionary: in 2 volumes]. Moscow: Astrel'; AST, 2002, vol. 1. 992 p.

Kargapolov E. P. *Ia-kontseptsii lichnosti poeta Roberta Rozhdestvenskogo* [Self-concept of the poet Robert Rozhdestvensky's personality]. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2015. 160 p.

Kasavin T. I. *Tekst. Diskurs. Kontekst* [Text. Discourse. Context]. Moscow: Kanon +, 2008. 543 p.

Kumichev I. V. Spetsifika vzaimootnoshenii Ia i Drugogo v rok-ballade 60–70-kh godov [Specifics of the interrelation “I” and “Others” in the rock ballads of the 60–70s]. *Russkaia rok-poezii: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context], 2014, iss. 15, pp. 312–323. Available at: [http://journals.uspu.ru/attachments/article/884/Rock15%20\(1\).pdf](http://journals.uspu.ru/attachments/article/884/Rock15%20(1).pdf) (accessed: 02.04.2020).

Merlo-Ponti M. O fenomene iazyka [About the phenomenon of language]. *Ontologicheskaya problematika iazyka v sovremennoi zapadnoi filosofii* [Ontological problems of language in modern Western philosophy]. Available at: http://bibikhin.ru/o_femenologii_yazyka (accessed: 03.04.2020).

Mochul'skaia O. I. Kontseptsii Andre Kont-Sponvilii: ego-filosofii kak razmyshlenie ot pervogo litsa [The conception of Andre Comte-Sponville's: ego-philosophy as a first-person meditation]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2018, no. 12, pp. 127–143.

Rudenko D. I., Prokopenko V. V. Filosofii iazyka: put' k novoi episteme [Philosophy of language: path to a new episteme]. *Iazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and science of the late 20th century; ed. by Iu. S. Stepanov]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1995, pp. 118–143.

Savanovich V. V. Ia-kontseptsii i lichnostnaia refleksii v zarubezhnoi psikhologii [Self-concept and personal reflection in foreign psychology]. *Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi Akademii delovogo administrirovaniia* [Bulletin of the Moscow State Academy of Business Administration], 2011, no. 5 (11), pp. 186–192.

Sviridov S. V. Vse ushli – ostalis' двое: o russkoi rok-poezii 2000-kh godov [Everybody's gone – two remained: about Russian rock poetry of the 2000s]. *Russkaia rok-poezii: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context], 2019, iss. 19, pp. 6–27. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/310652420> (accessed: 02.04.2020).

Sedov K. F. O prirode khudozhestvennogo teksta [About the nature of a literary text]. *ART. Al'manakh issledovaniia po iskusstvu* [ART. Almanac of art research; ed. by B. L. Borukhov, K. F. Sedov]. Saratov, 1993, iss. 1, pp. 5–15.

Sedov K. F. *Obshchaia i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. Moscow: IaSK, 2016. 438 p.

Slovar' russkogo iazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes; ed. by A. P. Evgen'eva]. Moscow: Russkii iazyk, 1985–1988. Available at: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm> (accessed: 22.02.2020).

Stepanova V. V. *Slovo v tekste. Iz lektsii po funktsional'noi leksikologii* [The word in the text. From lectures on functional lexicology]. St Petersburg: Nauka; SAGA, 2006. 272 p.

Florenskii P. A. *Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniiakh* [Analysis of spatiality and time in artistic works]. Moscow: Progress, 1993. 324 p.

Churilina L. N. Antologiiia kontseptov kak slovar' novogo tipa: k voprosu o printsipakh organizatsii [An anthology of concepts as a new type of dictionary: to the question of the organization principles]. *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Tekst slovaria i kontekst leksikografii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 11–13 noiabria 2009 g.* [Word. Dictionary, Literature: The text of the dictionary and the context of lexicography. Proceedings of the all-Russian scientific conference, St Petersburg, 11–13 November 2009]. St Petersburg: SAGA, 2010, pp. 442–449.

Churilina L. N. *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta: printsipy antropotsentricheskogo issledovaniia* [Lexical structure of a literary text: principles of anthropocentric research]. St Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2002. 283 p.

Shmelev A. D. *Russkaia iazykovaia model' mira: Materialy k slovariu* [Russian language model of the world: Dictionary materials]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002. 224 p.

Для цитирования: Деревскова Е. Н., Чурилина Л. Н. Концепт «Эго» как доминанта современного рок-дискурса: языковая репрезентация // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 3 (96). – С. 26–38. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-3-96-2

For citation: Derevskova E. N., Churilina L. N. The concept “Ego” as the dominant of modern rock discourse: language representation. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 3 (96), pp. 26–38. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-3-96-2